

На небольшом «пятачке» московского центра шла, торопливо текла, бурлила его богатая событиями жизнь. Народный артист Вячеслав Шалевич с полным основанием может повторять милые строки Булата Окуджавы: «Ах, Арбат, мой Арбат, ты мое Отечество, никогда до конца не пройти тебя...»

200 ЖИЗНЕЙ НА СЦЕНЕ

Тверская, 13 - 2002 - 19 янв. - с.8

- От того, что вы уже гурманом стали, любую театральную пищу вкушать не станете?

- Вполне понимаю Калягина, который играет почти во всех спектаклях своего Et Cetera, но мне хочется, чтобы и другие мои артисты не бездельничали. Иначе получится, что я все заполню сам собой...

Между прочим, по традиции, учителя наши в театре никогда никого не спрашивали - будешь ты эту роль исполнять или нет? Просто назначали. Это считалось счастьем - ты в работе. Однако с некоторого момента и в Вахтанговском стали задавать этот странный вопрос.

Когда распределяли роли в спектакле «Без вины виноватые», в первый раз в жизни подошли и ко мне: «Будешь участвовать?» Я ответил: «Что за дурацкий вопрос? Вы назначьте, и я буду выполнять свою работу». А ставил пьесу Петр Фоменко, как можно было отказаться? В итоге спектакль получил Государственную премию. И я вместе с ним.

- Вы пьесу Цветаевой сразу в двух театрах играете?

- Нет, только в Театре Симонова. Ульянов снял «Три востраста Казановы» по ряду обстоятельств, может быть, объективных. Хотя спектакль был аншлаговый, красоты невероятной.

Я подошел к Михаилу Александровичу и попросил: «Если можно, отдайте декорации нашему театру». Ульянов сначала даже не понял, согласился не сразу, но через некоторое время подошел сам: «Мы этот спектакль тебе дарим...» А для меня это было принципиально важно, потому что это постановка Евгения Симонова, а он - основатель нашего театра, я имел честь работать с ним. Теперь снова с удовольствием играю

старого Казанову, да и все молодые актеры рядом.

- И как вам с ними работается?

- Горжусь, что у нас есть немало артистов высокого класса: Нина Русланова, Влад Демченко, Игорь Карташов, Алла Миронова, Светлана Йозеорий. Кстати, и достойных спектаклей в репертуаре Театра Симонова немало. И это художественному руководителю исключительно приятно.

- Вы смотрите старые фильмы с вашим участием?

- Когда есть такая возможность. Наверное, захотите спросить, с каким чувством вззираю на экран? С чувством сожаления об ушедшей молодости, конечно. Вообще, когда смотришь старые ленты, многое осознаешь. Хорошо, что закончились все эти бесконечные творческие комиссии, когда с пафосом говорили: это нужно народу, а это не нужно. Но тогда стремились, чтобы каждый фильм нес что-то светлое и чистое. Лично мне было понятно, что и кого играю...

Сейчас же без конца стреляют, бьют, режут - понятно, что у режиссеров и сценаристов вкус зачастую ниже среднего. Я уже не говорю о том, сколько низкопробной продукции привозят из-за границы...

- Давайте лучше о приятном, если позволите. Сколько раз вы, Вячеслав Анатольевич, в титрах появлялись?

- 89, так что скоро, может быть, справлю небольшой юбилей.

Мне требуется совсем немного воображения, и клубы табачного дыма от сигареты актера обращаются в романтическую дымку, из которой сверкает коварной улыбкой Швабрин из «Капитанской дочки». «Кадры» сменяют друг друга: «Хоккеисты», «Барьер неизвестности», «Моя улица», «Три тополя на Плющихе», «Ше-

стое июля», «Красная площадь», «Семнадцать мгновений весны», «Лекарство против страха»...

- За кадром оставалось что-то интересное?

- В «Хоккеистах» моим дублером был знаменитый Вячеслав Старшинов. Они спорили с Борисом Майоровым, научусь ли я кататься на коньках. Потому что я держался на льду, только опираясь на клюшку.

В «Красной площади» довелось стоять на Мавзолее и видеть тогдашних членов Политбюро. Но поразило другое. Позади вождей находился стол с бутылками и закуской. А под ним лежала (!) буфетчица, чтобы демонстранты ее не заметили. Виднелись только ее голова и руки. Если кто-то хотел выпить и закусить, то она подвигала ему рюмку и бутерброд. Лежала!

С этим фильмом связан и другой потрясающий эпизод. Снимали в Лиенае - на много километров вокруг разносились выстрелы, гремела канонада. Было полное впечатление, что идет война. Наступил перерыв, и мы с товарищем поехали размяться на лошадях. Прямо в гриме, в форме белых офицеров.

Набрили на небольшой хутор: у старушки, которая копалась возле дома, попросили воды напиться. Проходит минут десять, а ее все нет - стали думать: может, что-то не поняла. Наконец открывается дверь, она выходит вместе со своим стариком, оба нарядные, с подносом - на нем водичка и чашечка с вином: «Здравствуйте, скажите, а ваши далеко? Скоро ли здесь будет?»

- А случилось, что от вас хорошие роли уплывали?

- В свое время мне предлагали сниматься в «Месте встречи...» Накануне был в гостях у братьев Вайнеров, они подарили свою книжку. Прочел, образ Фокса

меня заинтересовал. Но когда прочитал сценарий фильма, разочаровался - роль была выхолощена. Решил отказаться. Дальше вы все знаете - Фоксом стал Белявский, и этой ролью Александр Борисович обеспечил себе бешеную популярность на долгие годы. Да и сам фильм стал «нетленкой». Такая вот ошибка...

- Больше подобных случаев не было?

- Были другие, когда мне отказывали из-за фамилии.

- Насколько мне известно, она у вас польская.

- Верно, но товарищи оказались не в курсе... Меня уже было утвердили на роль Фрунзе в фильме «Гроза над Белой», но вдруг мне сообщили «мнение» тогдашнего директора «Ленфильма» Киселева: «Артист с такой фамилией Фрунзе играть не может». Утвердили Сашу Михайлова.

Второй раз лишился роли в «Вечном зове». Тут уж сказал «нет» автор сценария, писатель Анатолий Иванов, и опять из-за фамилии. Должны были играть вместе с Любшиным. Но Слава резко сказал: «Раз Шалевича не утвердили, из-за «этого» я тоже играть не стану».

- Вы делите роли на отрицательные и положительные?

- Главное - была бы тема... Отрицательные персонажи больше запоминаются оттого, что палитра богаче. Ведь таков закон жанра был: «положительным» мало что позволялось: ни выпить, ни любовничку завести. Вести только «правильные» разговоры. А герой со знаком минус делал, что хотел, понятно, и образ становился ярче.

- Да и подобные герои в вашем исполнении больше запоминались...

- Одно время меня с характеристикой «любитель застолья» сделали «невъездным». За границу, разумеется. Я поинтересовался, в чем, так сказать, криминал. На что мне директор Вахтанговского театра ответил: «Ни в чем, просто ты очень громко разговариваешь».

- Знаю, что вы мемуары писать в ближайшее время не собираетесь. А читаете, что о вас пишут?

- К своей персоне, как и всякий артист, не равнодушен. Но на едкости не обижаясь, памятью, как в свое время блистательная Цецилия Мансурова заметила: «Хорошо, что о тебе говорят, будет гораздо хуже, когда замолчат».

В его коллекции больше ста папок с материалами к сыграным театральным ролям. В кино таковых, как вы уже знаете, почти девяносто. Всего - две сотни жизней, которые Вячеслав Шалевич прожил на сценических подмостках и на съемочных площадках. Цифра, достойная бурных аплодисментов.

Валерий БУРТ

- Я родился в знаменитом родильном доме имени Грауэрмана. Долго жил в доме, вплотную примыкавшем к Театру Вахтангова. Того жилища давно уже нет - на его месте игровые автоматы... Сосуществовал со многими известными артистами. Чуть ли не ежедневно сталкивался с Николаем Гриценко, Сергеем Лукьяновым, Ларисой Пашковой. Не предполагал, конечно, что пройдет время и мы станем коллегами. В общем, вышло по пословице: «Где родился, там и пригодился».

Летом 1941-го немецкая бомба попала в Театр Вахтангова. Когда я вышел из бомбоубежища, увидел, что на Арбате оставались кортеж правительственных машин: из одной вышел Сталин. Местные ребята, как я тогда, уже знали, кто он такой...

Много лет спустя я спросил Симонова, не разыгралось ли тогда воображение у семилетнего мальчика? Но Рубен Николаевич подтвердил, что так и было - Сталин посмотрел на разрушенное здание и бросил короткую фразу: «После войны отстроим».

- Вы больше его не видели?

- Нет, еще раз довелось. 24 июня 1945 года я шел в колонне и, заглядевшись на трибуну Мавзолея, где он стоял, нарушил строй. Он словно загнипнотизировал меня. Я сделал еще несколько шагов к божеству... Сталин увидел это, усмехнулся и толкнул стоящего рядом Ворошилова.

К Арбату я словно прирос -

поступил в Щукинское училище, после его окончания - в 1958 году - меня приняли в Вахтанговский. Только два года прожил в Филях, а потом снова переехал в эти места - моя квартира в доме в Староколюшенном. Когда иду на работу, говорю своим: «Ну, я пошел во двор».

Нет смысла, наверное, домашним задавать наивный вопрос: к какой музе «в объятия» он спешит? Оба театра для Шалевича родные - имени Рубена Симонова, где мой собеседник уже несколько лет - художественный руководитель. А здание это в трех минутах ходьбы от Вахтанговского - там мой собеседник играет уже 43-й сезон.

- В здании, где сейчас Театр Симонова, когда-то была 79-я женская школа. Я же учился в 73-й мужской - напротив, в Серебряном переулке. Тут и дружили, и влюблялись. Встречались обычно на Гоголевском бульваре, шли шеренга на шеренгу, мальчики в одной, девочки в другой... Кафе? Что вы, тогда о такой роскоши и не мечтали. Собирали деньги на недорогое вино, шли к кому-то домой, слушали пластинки.

- Получается что-то вроде неразделенной любви? Это я уже про теперешнюю вашу актерско-режиссерскую жизнь.

- Светлые чувства все-таки стараюсь делить поровну... Играю три роли в Вахтанговском и столько же - в Симоновском. Для артиста моего ранга уже много.